

ВОСПОМИНАНИЕ

Ты вечноному обвешиваю
 «История» моего детства
 и всемогущих учителей, друзья по школе,
 свиньям твоим интересам и заботам
 вконец.

В. Антон

ЛОЩИНА ГОЛУБОГО ТУМАНА

Продолжение, начало в №38
 Она села на расшатанную лавку, стоящую у печки. Сын примостился рядом, с нетерпением ожидая, что она скажет.

— Не я это была, сынок — не я. А кто — мне и самой неведомо. Я всю ночь на коленях Бога за тебя молила, но он молчал. А вот Она — Она услышала, пришла. Видно, сама — мать. Я все сейчас вспомнила! Все! Я тоже, сынок, видела во сне женщину неземной красоты, всю словно сотканную из голубого тумана. И слова ее вспомнила. Вот что она сказала, сынок: «... что сама не успела, моя дочь доделает...». И растворилась вот через это оконце. Там и следы ее остались — роса. Не ведомо мне, что дале будет, только кажется, что вскорости нам гостью ждать надобно.

— Да неужели это правда, мама?! — воскликнул Марк.

— Истинная, сынок, истинная. Только прошу тебя, Маркуша, никому не рассказывай об этом. И я молчать буду. Ведь не поймут нас в деревне. Колдовством заклеймят. Со свету тогда сживут. А нам только сейчас жизнь в радость пришла.

И долго еще сидели мать и сын, крепко обнявшись. И думал каждый друг о друге. И думал каждый о своем. А на подошвах в оставшихся каплях росы играли солнечные зайчики, заливая избу радужным светом...

Старика Евсея гроза застала врасплох. Собираясь в поле, он подумать даже не мог, что в столь ясный безоблачный день разразится такая гроза —

страшная, свирепая. Ведь с утра ничего не предвещало перемену погоде.

Евсей, проснувшись на зорьке, мельком глянул в окно. Сильное солнце стремительно поднималось над вершинами леса. На небе — ни облачка. Весело щебетали ранние птицы. Где-то в подлеске бодро куковала кукушка. Густой туман, кружа над Енисеем, медленно поднимался вверх. Это взбудрило старика: коль туман поднимается вверх, то обязательно будет ведро. Он задержался у окна, любуясь рекой. На душе стало легко. Много неотложных дел он переделает в этот погожий день. Нудные дожди надоели, а тут еще жена скрипит, скрипит — все-то ей зудеть надо, всем-то она недовольна. Старик посмотрел на спящую старуху и тяжело вздохнул.

«Спишь, старая зануда. Ну, спи, спи, а мне некогда разлеживаться, — подумал он. — Прежде всего, надо отыскать загулявшую который день кобылу с жеребенком, а уж после смазать колеса у телеги, заменить старый потник у седелка. И когда уж все будет ладно, то к вечеру съездить на покос посмотреть травы — подошли ли, набрали ли силу? Лишь бы погода не подвела. А то вон и лета нынче нет: день — духотища, рубаха от пота насквозь мокра, другой — проливной дождь. А работа-то ждать не будет. Летом один день год кормит...»

«А время-то мчится, не остановить его, — продолжал думать Евсей. — И так из года в год, от весны до весны — непочатый край работы. Не успел понасту напилить дров в лесу — огород на носу. Поднял землицу, посадил овощ, а там уж сенокос подоспел. Примчалась осень — тож разворачивайся: и заготовки, будь они неладны, и во дворе к

зиме чего подладить надо: то крыша прохудилась, то забор, будто споткнулся, накренился. Так, в заботах, и жизнь пролетела. А чего видел-то в этой жизни? Чего нашел? И спрашивается: для чего он вообще живет и мучится, топчет эту грешную истерзанную землю?»

С такими невеселыми мыслями смотрел старик на солнце. И уже не радовалось оно его. Какое-то непонятное предчувствие терзало душу. Он сник и хотел же отказаться от затеи идти искать кобылу с жеребенком — нагуляются и сами явятся. Но крестьянская жилка взяла верх: «Кто знает, куда утянулась кобыла, уведя за собой несмышлениша, ведь вокруг тайга дремуча. Не дай Бог, зверь на них наткнется, тогда поминай, как звали». И Евсей опять тяжело вздохнул.

— Чо вздыхаешь-то чужало? Будта бы воз в гору везешь? — пошевелилась и оторвала голову от подушки старуха.

Старик потоптался еще у окна, оторвал взор от солнца и неохотно ответил:

— Который день уже кобылы нет. А энто очень даже волнует меня. Мало ли чо может случиться! Мовет и медведь заломать. Ноне и волки в округе объявились, пропади оне пропадом.

— Куды она к лешему денется, твоя пропастина, кобыла энта, — зло зашипела старуха. — Явится нонче. Сколь разов уж было: блудит, блудит, и вона нарисовалась вся совсем. Нашел сабе забаву. Ведь сколь раз было говорено: на кой ляд под старость тебе энта кобыла. Не было заботы — купила баба порося.

— Ты пошто, Дарья, тако-то! — огрызнулся старик. — И все-то тебе не глянется: то сплю долго, то встаю не свет, не заря. Уймешься ли ковды?

— Уймусь, уймусь... Может даже ноне. Табе на

радость. Другу, поклади-сту, заведешь. Вот уж потетишься вдосталь. И глотку-то твою погану заливать нова-то баба запрешат не будет. На-хлебашься, мовет.

— Всю-то жись ты у меня така... — попытался утихомирить расхолодившуюся жену старик. — Захлестнет шлея под хвост, и понесла по кочкам. Рази можно так-то, Дарьюшка?

— А ты хошь ковды слушаешь меня? Упрешься рогом в стену — не сдвинуть. Все табе надо по-своему палку гнуть. Сколь сказывала: не купляй энту кобылу — одне заботы с ней. Нет же. Он все одно на своем: чо за деревня без коня и петуха! Вот тепереча и шлындай с утра до ночи за своей ордой. Будта бы делать в доме больше нече. Лучше бы взял литовку, да за огородом траву повыкосил. Все бы как лишнюю копешку сена сложили. Чем собрался свой табун зиму кормить? Али березовы ветки коням-то ломать будешь? Вона ишшо и корова во дворе. Она-то уж энти ветки жевать не станет. Молоко-то крынками хлещешь. Ноне дождешь ты у меня молока, — строго пригрозила старуха.

— Ну, чо ты, Дарьюшка, сызнава разошлась. Я ить чо! Я ничо, — смиренно ответил старик.

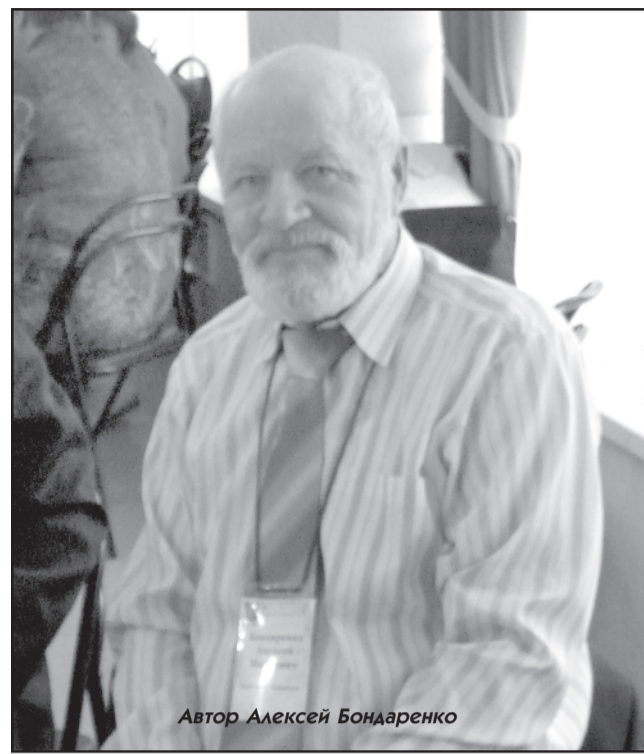
— Все близирничашь! Все близирничашь, непутевый, — ярилась старуха. — Толку — то от табя: не украсть, не покараулить.

— И чо на табя нашло сегодня! — буркнул старик. — Али плохо спала? С чего взяла, что близирничашь? Каким был, таким и осталась. Не юлю хвостом, яко пес паршивый.

— Ну, погоди! Добьешься ты у меня со своими конями! В конюшню спать отправлю, — снова пригрозила старуха и, уронив голову на подушку, отворнулась к стене.

Под ней жалобно заскрипела кровать. Вскоре по избе разнесся ее мощный богатырский храп.

Вот с этим скрипом в сердце и шел Евсей по безбрежному, бывшему колхозному полю — запущенному, дикому. Оно уже давным-давно не пахалось. Куда ни глянь — запустение. На всем пространстве, сколько хватало глазу, поднимался к небу напористый молодой осинник и курчавый березняк. Давно не тронутые человеком окрайки поля густо взялись кипреем, шлемником, пучкой. Часто попадались на глаза Евсею широкие сохмы, нахоженные медведем. «Ишь, сколь зверя-то развелось! Непуганый. Видно, по привычке идет сюды. Ну, тепереча не найдешь ты,

Автор Алексей Бондаренко

друг, и зернышка хлебного здесь. Вон, рой таперь мурашей для пропитанья, — грустно думал старик, внимательно разглядывая муравьиные кочки, разворошенные зверем. — И хде энто моя кобылка с жеребушкой запропастилась, язви ее. Скоко тут троп натоптано! По какой из них оне направились?»

Евсей дошел уже до середины дикого поля, внимательно разглядывая изрядно примятую траву. И не заметил, как набежали черные тучи. И в считанные минуты весь небосвод от края и до края стал темным. Где-то в стороне, словно пробуя свою силу, слабо громыхнул гром. Вот его раскаты послышались и другой, и третий раз... Темное небо повдоль разверзла яркая вспышка молнии. Невесть откуда прилетевший ветер поначалу вроде с неохотой, играючи, качнул деревья, вдруг взъярился и широкой полосой придавил густые травы к земле. Со страш-

ной силой рванул брезентовую куртку старика и, не задерживаясь на поле, свирепо помчался к стене тайги, чтобы там, видно, уж вволю покуражиться. Стал накрапывать мелкий дождик. А затем так разошелся, что старик разом промок до нитки. Евсей со всех ног бросился в лощину, где стояла вековая одинокая ель. Ее ветви шатром низко опустились к земле, образуя надежное укрытие. Под ними и поднырнул старик. Несмотря на ливень, под елью было сухо и уютно.

Снова яростно сверкнула молния, и сразу же со страшной силой громыхнул гром. Ель закачалась, жалобно заскрипела. Старик, дико озираясь, спиной втиснулся в шершавый ствол дерева. Его стало знобить. По телу пробежали холодные мурашки. И тут он вдруг вспомнил про свою заначку. Бутылка крепкого самогона, еще с вечера припрятанная в кармане, придала старику уверенность и

силы. Евсей оживился. Он, как самую большую драгоценность, осторожно достал из кармана бутылку. Повертев в руках, откупорил и сделал маленький глоток. Самогон горячим ручейком скатился внутрь, обжег и жаром разошелся по жилам. Евсей еще сделал глоток, и еще. Голова приятно закружилась. Чем больше он пил, тем больше не чувствовал холода. Он стянул с себя мокрую куртку, устроился на ней и, слегка отодвинув в сторону пушистую еловую ветку, повеселевшими мутными глазами обвел поле. Там сплошной стеной стоял дождь. Он, словно кнутом, хлестал по веткам древней ели, по траве. Глядя зачарованно на это буйство природы, старик забыл и про трудный разговор со старухой, и про лошадей. Ему было хорошо. Душа ликовала.

Гром уже громыхал над вершинами дальних сопков, но дождь все еще не унимался. Только Евсею теперь было все равно, что там делается снаружи его надежного укрытия — да хоть трава не расти! Он, счастливый, закрыл глаза. Несравненное блаженство разлилось по всему его телу. С этим чувством он и заснул.

Сколько старик спал, он не помнил. Когда проснулся и высунул голову из укрытия, увидел, что гроза прошла. В глазах — сумеречь, будто ночь надвинулась на поле, а лощину окутал густой непроглядный туман. Вдруг в этом тумане он разглядел силуэт своей кобылицы, а рядом с ней жеребенка. Обрадованный старик на карачках вылез из-под ели, с трудом поднялся на ноги и... остолбенел. Молочный туман на глазах превращался в голубой. И из него, словно по воздуху, выплыла неопикуемой красоты девушка с длинной русой косой. Она, увидев старика, остановилась.

Продолжение следует
 Алексей БОНДАРЕНКО,
 г. Енисейск

